

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ

И КОНЧИНА

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА

ПУШКИНА.

Со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса.

Изданіе Я. А. Исакова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Гогенфельдена и К^о.

1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Мая 1862 года.

Послѣдніе дни жизни и горестная кончина Александра Сергѣевича Пушкина давно уже были описаны многими. Тѣмъ не менѣе мы положительно можемъ сказать, что описанія эти въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не совершенно вѣрны и лишены многихъ подробностей, которыя, касаясь Пушкина, не могутъ не быть интересны. Мы говоримъ это не въ укоръ писавшимъ, они были лишены возможности написать точнѣе и подробнѣе.

К. К. Данзасъ былъ товарищъ по Лицею и одинъ изъ самыхъ короткихъ друзей покойнаго Александра Сергѣевича *). Всѣмъ извѣстно, что Данзасъ былъ секундантомъ Пушкина при его дуэли съ Дантесомъ, но можетъ быть не всѣ знаютъ, что Пушкинъ вполнѣ

*) К. К. Данзасъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ и до Лицея. Теперь Данзасъ въ отставкѣ съ чиномъ генераль-маіора и живетъ въ Петербургѣ.

довѣрялся ему и что г. Данзасъ до самой кончины Пушкина не отходилъ отъ его постели.

Имѣя честь близко и давно знать глубоко уважаемаго нами г. Данзаса и бесѣдуя съ нимъ, при частыхъ встрѣчахъ, мы не рѣдко старались незамѣтно наводить разговоръ нашъ на обстоятельства, сопровождавшія кончину Пушкина.

Разказы Константина Карловича, тотчасъ по окончаніи нашихъ бесѣдъ, старались мы записывать, по возможности слово-въ-слово, и сдѣланныя нами замѣтки прочитывали потомъ ему. Собранными нами такимъ образомъ, со словъ очевидца, свѣдѣніями о послѣднихъ дняхъ и кончинѣ Пушкина намѣрены мы подѣлиться съ читающей публикой, въ той увѣренности, что все, касающееся нашего великаго поэта, не можетъ не интересовать ее.

Вотъ что рассказалъ намъ въ разное время К. К. Данзасъ:

Пушкинъ, послѣ женитьбы своей на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой *), жилъ въ Петербургѣ довольно открыто и вель знаком-

*) Мы, конечно, для цѣлости нашего изложенія, не можемъ обойтись безъ повтореній того, что читателямъ давно уже извѣстно.

ство почти со всею нашею аристократіею. Между лицами, посѣщавшими часто домъ его, былъ нѣкто баронъ Дантесъ, офицеръ Кавалергардскаго полка.

Данзасъ познакомился съ Дантесомъ въ 1834 году, обѣдая съ Пушкинымъ у Дюме, гдѣ за общимъ столомъ обѣдалъ и Дантесъ, сидя рядомъ съ Пушкинымъ.

По словамъ Данзаса, Дантесъ, при довольно большомъ ростѣ и пріятной наружности, былъ человекъ не глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имѣвшій какую-то врожденную способность нравиться всѣмъ съ перваго взгляда.

Способность эта, какъ увидимъ ниже, вызвала къ нему милостивое вниманіе покойныхъ: Государя Николая Павловича и Государыни Александры Ѳеодоровны.

Баронъ Дантесъ былъ французскій подданный, хотя предки его происходили изъ Ирландіи. Служа уже во Франціи, отецъ его получилъ отъ Наполеона I-го титулъ барона. Снабженный множествомъ рекомендательныхъ писемъ, молодой Дантесъ пріѣхалъ въ Россію, съ намѣреніемъ вступить въ нашу военную службу. Въ числѣ этихъ писемъ было одно

къ графинѣ Фикельмонъ, пользовавшейся особеннымъ расположеніемъ покойной Императрицы. Этой-то дамѣ Дантесъ обязанъ началомъ своихъ успѣховъ въ Россіи. На одномъ изъ своихъ вечеровъ она представила его Государынѣ. и Дантесъ имѣлъ счастье обратить на себя вниманіе Ея Величества.

Счастливымъ случай покровительствовалъ Дантесу въ представленіи его покойному Императору Николаю Павловичу. Какъ извѣстно Данзасу, это произошло слѣдующимъ образомъ:

Въ то время въ Петербургѣ былъ извѣстный баталическій живописецъ Ладюрнеръ (Ladurnère) соотечественникъ Дантеса. Покойный Государь посѣщаль иногда его мастерскую. находившуюся въ Эрмитажѣ и въ одно изъ своихъ посѣщеній, увидя на полотнѣ художника нѣсколько эскизовъ, изображавшихъ фигуру Людовика Филиппа, спросилъ Ладюрнера: „Est ce que c'est vous, par hasard, qui vous amusez à faire ces choses là“.

„Non sire! отвѣчалъ Ладюрнеръ C'est un de mes compatriote, légitimiste comme moi, M-r Dantess“.

„Ah! Dantess, mais je le connais, L'Impe-

ratrice m'en a déjà parlé“, сказалъ Государь и пожелалъ его видѣть.

Ладюрнеръ вытащилъ Дантеса изъ-за ширмъ, куда послѣдній спрятался при входѣ Государя.

Государь милостиво началъ съ нимъ разговаривать, и Дантесъ, пользуясь случаемъ, тутъ-же просилъ Государя позволить ему вступить въ русскую военную службу. Государь изъявилъ согласіе. Императрицѣ было угодно, чтобы Дантесъ служилъ въ Ея полку и, не смотря на дурно выдержанный экзамень, Дантесъ былъ принятъ въ Кавалергардскій полкъ, прямо офицеромъ, и, во вниманіе къ его бѣдности, Государь назначилъ ему отъ себя ежегодное негласное пособіе.

Имѣя счастливую способность нравиться, Дантесъ до такой степени приобрѣлъ къ себѣ любовь бывшаго тогда въ Петербургѣ голландскаго посланника барона Гекерена (Heckerene), человѣка весьма богатаго, что тотъ, будучи бездѣтенъ, усыновилъ Дантеса, съ тѣмъ, единственнымъ условіемъ, чтобы послѣдній принялъ его фамилію.

По поводу принятія Дантесомъ фамиліи Гекерена, кто-то, въ шутку, распустилъ тогда въ городѣ слухъ: будто солдаты Кавалергард-

скаго полка, коверкая фамиліи — Дантесъ и Гекеренъ, говорили: „что это сдѣлалось съ нашимъ поручикомъ, былъ *дантистъ*, а теперь вдругъ сталъ *лекаремъ*.“

Дантесъ пользовался очень хорошею репутаціей и, по мнѣнію Данзаса, заслуживалъ ее вполне, если не ставить ему въ упрекъ фатовство и слабость хвастать своими успѣхами у женщинъ. Но не такъ благопріятно отзывается Константинъ Карловичъ о господинѣ Гекеренѣ: по словамъ его, баронъ былъ человѣкъ замѣчательно безнравственный.

Мы распространились нѣсколько объ этихъ лицахъ потому, что оба они играли весьма важную роль въ судьбѣ нашего поэта.

И баронъ Гекеренъ и усыновленный имъ баронъ Дантесъ вели жизнь совершенно свѣтскую, — разсѣянную.

Въ 1835 и 1836 годахъ, они часто посѣщали домъ Пушкина и дома Карамзиныхъ и князя Вяземскаго, гдѣ Пушкины были какъ свои. Но послѣ одного или двухъ баловъ на минеральныхъ водахъ, гдѣ были г-жа Пушкина и баронъ Дантесъ, по Петербургу вдругъ разнеслись слухи, что Дантесъ ухаживаетъ за женой Пушкина. Слухи эти долетѣли и до

самаго Александра Сергѣевича, который пересталъ принимать Дантеса. Вслѣдъ за этимъ, Пушкинъ получилъ нѣсколько анонимныхъ записокъ на французскомъ языкѣ; всѣ онѣ слово-въ-слово были одинаковаго содержанія, дерзкаго, неблагопрстойнаго.

Авторомъ этихъ записокъ, по сходству почерка, Пушкинъ подозрѣвалъ барона Гекерена, отца, и даже писалъ объ этомъ графу Бенкендорфу. *) Послѣ смерти Пушкина многіе въ этомъ подозрѣвали князя Гагарина **); теперь-же подозрѣніе это осталось за, жившимъ тогда вмѣстѣ съ нимъ, княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ ***).

Поводомъ къ подозрѣнію князя Гагарина въ авторствѣ безыменныхъ писемъ послужило то, что они были писаны на бумагѣ, одинаковаго формата съ бумагою князя Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагаринъ признался, что записки дѣйствительно были писаны на его бумагѣ; но только не имъ, а кня-

*) Приложение № 1.

***) Вступившаго потомъ въ Іезуиты.

****) Извѣстнымъ подъ прозвищемъ le banca!

земь Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ *).

Мы не думаемъ, чтобы это признаніе сколько-нибудь оправдывало Гагарина — позоръ соучастія въ этомъ грязномъ дѣлѣ, соучастія, если не дѣятельнаго, то пассивнаго, заключающагося въ знаніи и допущеніи — остался все-таки за нимъ.

Надо думать, что отказъ Дантесу отъ дома не прекратилъ гнусной интриги. Оскорбительные слухи и записки **) продолжали раздражать Пушкина и вынудили его наконецъ покончить съ тѣмъ, кто былъ видимымъ поводомъ всего этого. Онъ послалъ Дантесу вызовъ чрезъ офицера Генеральнаго Штаба Клементія Осиповича Россета. Дантесъ, принявъ вызовъ Пушкина, просилъ на двѣ недѣли отсрочки.

Между-тѣмъ вызовъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, князю Вяземскому и барону Геккерену, отцу. Всѣ они старались по-

*) Если-бы не эти записки, говорить Данзасъ, у Пушкина съ Дантесомъ не было-бы никакой исторіи.

**) Когда Пушкинъ отказалъ Дантесу отъ дому, Дантесъ нѣсколько разъ писалъ его женѣ, по словамъ Данзаса: Наталья Николаевна Пушкина всѣ эти письма показывала мужу.

тушить исторію и разстроить дуэль. Гекеренъ, между прочимъ, объявилъ Жуковскому, что если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому, что баронъ Дантесъ дѣлалъ это съ благородной цѣлью, имѣя намѣреніе просить руки сестры г-жи Пушкиной Екатерины Николаевны Гончаровой *).

Отправясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ барону Гекерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина. если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи.

Вслѣдствіе-ли совѣта Жуковского или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, но Дантесъ на другой, или даже въ тотъ-же день, сдѣлалъ предложеніе, и зимой въ 1836 году была его свадьба съ дѣвицей Гончаровой.

Во весь промежутокъ этого времени, не смотря на оскорбительные слухи и дерзкія

*) Катерина Николаевна Гончарова жила у Пушкиныхъ вмѣстѣ съ другой своей сестрой Александрой Николаевной.

анонимныя записки, Пушкинъ, сколько извѣстно, не измѣнилъ съ женою самыхъ нѣжныхъ дружескихъ отношеній, сохранилъ къ ней прежнее довѣріе и не обвинялъ ее ни въ чемъ. Онъ очень любилъ и уважалъ свою жену, и возведенная на нее гнусная клевета глубоко огорчила его: онъ возненавидѣлъ Дантеса и, не смотря на женитьбу его на Гончаровой, не хотѣлъ съ нимъ помириться. На свадебномъ обѣдѣ, данномъ графомъ Строгановымъ въ честь новобрачныхъ, Пушкинъ присутствовалъ, не зная настоящей цѣли этого обѣда, заключавшейся въ условленномъ заранее нѣкоторыми лицами примиреніи его съ Дантесомъ. Примиреніе это однакоже не состоялось и когда послѣ обѣда баронъ Гекерень, отецъ, подойдя къ Пушкину, сказалъ ему, что теперь, когда поведеніе его сына совершенно объяснилось, онъ, вѣроятно, забудетъ все прошлое и измѣнитъ настоящія отношенія свои къ нему на болѣе родственныя. Пушкинъ отвѣчалъ сухо, что, не взирая на родство, онъ не желаетъ имѣть никакихъ отношеній между его домомъ и г. Дантесомъ.

Со свояченицей своей во все это время Пушкинъ былъ милъ и любезенъ по-прежнему

и даже весело подшучивалъ надъ нею, по случаю свадьбы ея съ Дантесомъ. Разъ, выходя изъ театра, Данзасъ встрѣтилъ Пушкиныхъ и поздравилъ Катерину Николаевну Гончарову, какъ невѣсту Дантеса; приэтомъ Пушкинъ сказалъ шутя Данзасу: „*Ma belle soeur ne sait pas maintenant de quelle nation elle sera: Russe, Française ou Hollandaise*“!?

Сухое и почти презрительное обращеніе въ послѣднее время Пушкина съ барономъ Гекереномъ, котораго Пушкинъ не любилъ и не уважалъ, не могло не озлобить противъ него такого человѣка, каковъ былъ Гекеренъ. Онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ Пушкина и, скрывая это, началъ вредить тайно поэту. Будучи совершенно убѣжденъ въ невозможности помирить Пушкина съ Дантесомъ, чего онъ даже едва-ли и желалъ; но относя негодованіе перваго единственно къ чрезмѣрному его самолюбію и ревности, мстительный голландецъ тѣмъ не менѣе продолжалъ показывать видъ, что хлопочетъ объ этомъ ненавистномъ Пушкину примиреніи, понимая очень хорошо, что это даетъ ему поводъ безнаказанно и безпрестанно мучить и оскорблять своего врага. Съ этою цѣлью, съ помощью

другихъ, подобно ему враговъ Пушкина, а иногда и недогадливыхъ друзей поэта, онъ постоянно заботился о встрѣчахъ его съ Дантесомъ, заставляя сына своего писать къ нему письма, въ которыхъ Дантесъ убѣждалъ его забыть прошлое и помириться. Такихъ писемъ Пушкинъ получилъ два *), одно еще до обѣда, бывшаго у графа Строганова, на которое и отвѣчалъ за этимъ обѣдомъ барону Гекерену на словахъ то, что мы сказали уже выше, т. е., что онъ не желаетъ возобновлять съ Дантесомъ никакихъ отношеній. Не смотря на этотъ отвѣтъ, Дантесъ пріѣзжалъ къ Пушкину съ свадебнымъ визитомъ; но Пушкинъ его не принялъ. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, который Дантесъ сдѣлалъ Пушкину, вѣроятно по совѣту Гекерена, Пушкинъ получилъ второе письмо отъ Дантеса. Это письмо, Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ и поѣхалъ къ бывшей тогда фрейлинѣ г-жѣ Загряжской, съ которою былъ въ родствѣ. Пушкинъ черезъ нее хотѣлъ возвратить письмо Дантесу; но встрѣтясь у ней съ барономъ Гекереномъ, онъ подошелъ къ нему и, вынувъ

*) Писемъ этихъ не сохранилось.

письмо изъ кармана. просиль барона возвра-
тить его тому, кто писалъ его, прибавивъ,
что не только читать писемъ Дантеса, но
даже и имени его онъ слышать не хочетъ.

Вѣрный принятому имъ намѣренію, постоян-
но раздражать Пушкина. Гекеренъ отвѣчалъ,
что такъ какъ письмо это писано было къ
Пушкину. а не къ нему. то онъ и не можетъ
принять его.

Этотъ отвѣтъ взорвалъ Пушкина. и онъ
бросилъ письмо въ лицо Гекерену. со словами:
„Tu la recevra. gredin!“.

Послѣ этой исторіи, Гекеренъ рѣшительно
ополчился противъ Пушкина и въ Петербург-
скомъ обществѣ образовались двѣ партіи: од-
на за Пушкина. другая — за Дантеса и Геке-
рена.—Партіи эти. дѣйствуя враждебно другъ
противъ друга, одинаково преслѣдовали поэта.
недавая ему покоя.

На сторонѣ барона Гекерена и Дантеса
былъ между прочими и покойный графъ Б.,
не любившій Пушкина. Однимъ только этимъ
нерасположеніемъ, говоритъ Данзасъ, и можно
объяснить, что дуэль Пушкина не была оста-
новлена полиціей. Жандармы были посланы,
какъ онъ слышалъ, въ Екатерингофъ, будто-бы

по ошибкѣ, думая, что дуэль должна была происходить тамъ, а она была за Черной рѣчкой около Комендантской дачи....

Пушкинъ дрался среди бѣлаго дня и, такъ сказать, почти въ глазахъ всѣхъ!?

Партизаны враждующихъ сторонъ раздѣлялись весьма страннымъ образомъ, на примѣръ: одна часть офицеровъ Кавалергардскаго полка, товарищей Дантеса, была за него, другая за Пушкина; князь Б. былъ за Пушкина, а княгиня, жена его, противъ Пушкина, за Дантеса, вѣроятно по случаю родства своего съ графомъ Б. Замѣчательно, что почти всѣ тѣ изъ великосвѣтскихъ дамъ, которыя были на сторонѣ Гекерена и Дантеса, не отличались блистательною репутаціею и не могли служить примѣромъ нравственности; въ число ихъ Данзасъ не вмѣшиваетъ однако же княгиню Б.

Борьба этихъ партій заключалась въ томъ, что въ то время какъ друзья Пушкина и все общество, бывшее на его сторонѣ, старались всячески опровергать и отклонять отъ него всѣ распускаемые врагами поэта оскорбительные для него слухи, отводить его отъ встрѣчъ съ Гекереномъ и Дантесомъ; противная сторона, на оборотъ, усиливалась ихъ сводить

вмѣстѣ, для чего нарочно устраивали балы и вечера, гдѣ жена Пушкина, вдругъ неожиданно, встрѣчала Дантеса.

Зная какъ всѣ эти обстоятельства были не пріятны для мужа, Наталья Николаевна предлагала ему уѣхать съ нею на время куда-нибудь изъ Петербурга; но Пушкинъ, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшился кончить это иначе. Онъ написалъ барону Гекерену въ весьма сильныхъ выраженіяхъ извѣстное письмо, которое и было окончательной причиною роковой дуэли нашего поэта *).

Говорять, что получивъ это письмо, Гекеренъ бросился за совѣтомъ къ графу С. и что графъ, прочитавъ письмо, далъ совѣтъ Гекерену, чтобы сынъ его, баронъ Дантесъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ.

Въ отвѣтъ Пушкину баронъ Гекеренъ написалъ письмо **), въ которомъ объявилъ что сынъ его, пришлетъ ему своего секунданта.

*) Собственноручная копія Пушкина съ письма его къ Гекерену, сдѣланная имъ для свидѣтелей. Приложение № 2-й.

***) Приложение № 3.

Съ вызовомъ къ Пушкину отъ Дантеса пріѣхалъ служившій тогда при Французскомъ посольствѣ Виконтъ д'Аршіакъ.

27 Января 1837 г. К. К. Данзасъ, проходя по Пантелеймонской улицѣ, встрѣгилъ Пушкина въ саняхъ. Въ этой улицѣ жилъ тогда К. О. Россетъ; Пушкинъ, какъ полагаетъ Данзасъ, заѣзжалъ сначала къ Россету и не оставъ послѣдняго дома, поѣхалъ уже къ нему. Пушкинъ остановилъ Данзаса и сказалъ: „Данзасъ, я ѣхалъ къ тебѣ. садись со мной въ сани и поѣдемъ во Французское посольство, гдѣ ты будешь свидѣтелемъ одного разговора.“ Данзасъ, не говоря ни слова, сѣлъ съ нимъ въ сани и они поѣхали въ Большую Милліонную. Во время пути Пушкинъ говорилъ съ Данзасомъ, какъ-будто ничего не бывало, совершенно о постороннихъ вещахъ. Такимъ образомъ доѣхали они до дома Французскаго посольства, гдѣ жилъ д'Аршіакъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія съ хозяиномъ, Пушкинъ сказалъ громко, обращаясь къ Данзасу: „Je vais vous mettre maintenant au fait de tout,“ и началъ рассказывать ему все, что происходило между нимъ, Дантесомъ и Геке-

реномъ, т. е. то, что читателямъ извѣстно изъ сказаннаго нами выше *).

Пушкинъ окончилъ свое объясненіе слѣдующими словами: *maintenant la seule chose, „que j'ai à vous dire c'est que si l'affaire ne se „termine pas ausoud'hui même, la première „fois que je se rencontre Hekerene, père ou „fils, je leur cracherai à la figure.“*

Тутъ онъ указалъ на Данзаса и прибавилъ: „*Voila mon témoin*“.

Потомъ обратился къ Данзасу съ вопросомъ:

„*Consentez vous?*“

Послѣ утвердительнаго отвѣта Данзаса, Пушкинъ уѣхалъ, предоставивъ Данзасу, какъ своему секунданту, условиться съ д'Аршіакомъ о дуэли **).

Вотъ эти условія:

Драться Пушкинъ съ Дантесомъ долженъ былъ въ тотъ-же день 27-го Января въ 5-мъ часу по-полудни. Мѣсто поединка было назна-

*) При этомъ Пушкинъ прочиталъ вслухъ списанную имъ самимъ копію съ письма своего къ Гекерену (отцу) и отдалъ ее Данзасу. О письмѣ этомъ сказано выше. Примѣчаніе № 2.

**) У д'Аршіака съ Пушкинымъ раньше была по случаю этой дуэли переписка, приложіеіе №№ 4, 5, 6 и 7.

чено секундантами за Черной рѣчкой возлѣ Комендантской дачи. Оружіемъ выбраны пистолеты. Стрѣляться соперники должны были на разстояніи двадцати шаговъ, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ сдѣлать 5 шаговъ и подойти къ барьеру; никому не было дано преимущества перваго выстрѣла; каждый долженъ былъ сдѣлать одинъ выстрѣлъ, когда будетъ ему угодно, но въ случаѣ промаха съ обѣихъ сторонъ, дѣло должно было начаться снова на тѣхъ-же условіяхъ. Личныхъ объясненій между противниками ни какихъ допущено не было; въ случаѣ-же надобности, за нихъ должны были объясняться секунданты.

По желанію д'Аршіака условія поединка были сдѣланы на бумагѣ.

Съ этой роковой бумагой Данзасъ возвратился къ Пушкину. Онъ засталъ его дома, одного. Не прочитавъ даже условій, Пушкинъ согласился на все. Въ разговорѣ о предстоящей дуэли Данзасъ замѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, онъ-бы долженъ былъ стрѣляться съ барономъ Гекереномъ, отцомъ, а не съ сыномъ, такъ какъ оскорбительное письмо онъ написалъ Гекерену, а не Дантесу. На это Пушкинъ ему отвѣчалъ, что Гекерень, по офи-

ціальному своему положенію, драться не можетъ.

Условясь съ Пушкинымъ сойтись въ кондитерской Вольфа, Данзасъ отправился сдѣлать нужныя приготовленія. Нанявъ парные сани, онъ заѣхалъ въ оружейный магазинъ Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкинымъ заранѣе; пистолеты эти были совершенно схожи съ пистолетами д'Аршіака. Уложивъ ихъ въ сани, Данзасъ пріѣхалъ къ Вольфу, гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его.

Было около 4-хъ часовъ.

Выпивъ стаканъ лимонаду, или воды, Данзасъ не помнитъ, Пушкинъ вышелъ съ нимъ изъ кондитерской; сѣли въ сани и отправились по направленію къ Троицкому мосту.

Богъ вѣсть что думалъ Пушкинъ. По наружности онъ былъ покоенъ....

Конечно ни одинъ, сколько-нибудь мыслящій Русскій человѣкъ, не былъ-бы въ состояніи оставаться равнодушнымъ, провожая Пушкина, быть-можетъ, на вѣрную смерть, тѣмъ болѣе понятно, что чувствовалъ Данзасъ. Сердце его сжималось при одной мысли, что чрезъ нѣсколько минутъ, можетъ-быть, Пушкина уже не станетъ. Напрасно усиливался онъ льстить

себя надеждою, что дуэль разстроится, что кто-нибудь ее остановитъ, кто-нибудь спасетъ Пушкина; мучительная мысль не отставала.

На дворцовой набережной они встрѣтили въ экипажѣ г-жу Пушкину. Данзасъ узналъ ее, надежда въ немъ блеснула, встрѣча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука; а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону.

День былъ ясный. Петербургское велико-свѣтское общество каталось на горахъ и въ то время нѣкоторые уже оттуда возвращались. Много знакомыхъ и Пушкину и Данзасу встрѣчались, раскланивались съ ними, но никто, какъ-будто и не догадывался куда они ѣхали; а между-тѣмъ исторія Пушкина съ Гекеренами была хорошо извѣстна всему этому обществу.

На Невѣ Пушкинъ спросилъ Данзаса шутя: не въ крѣпость-ли ты везешь меня? — Нѣтъ, отвѣчалъ Данзасъ: черезъ крѣпость на Черную рѣчку самая близкая дорога.

На Каменноостровскомъ проспектѣ они встрѣтили въ саняхъ двухъ знакомыхъ офицеровъ Коннаго полка: князя В. Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкинъ и Данзасъ ѣхали на горы, Голицынъ закричалъ имъ:

„что вы такъ поздно ѣдите, всѣ уже оттуда разъѣзжаются!.“

Данзасъ не знаетъ по какой дорогѣ ѣхали Дантесъ съ д'Аршіакомъ; но къ Комендантской дачѣ они съ ними подѣхали въ одно время. Данзасъ вышелъ изъ саней и, сговорясь съ д'Аршіакомъ, отправился съ нимъ отыскивать удобное для дуэли мѣсто. Они нашли такое саженьяхъ въ полтораста отъ Комендантской дачи, болѣе крупный и густой кустарникъ окружалъ здѣсь площадку и могъ скрывать отъ глазъ, оставленныхъ на дорогѣ, извозчиковъ то, что на ней происходило. Избравъ это мѣсто, они утоптали ногами снѣгъ на томъ пространствѣ, которое нужно было для поединка и потомъ позвали противниковъ.

Не смотря на ясную погоду, дуль довольно сильный вѣтеръ. Морозу было градусовъ пятнадцать.

Закутанный въ медвѣжью шубу, Пушкинъ молчалъ, по-видимому былъ столько же покоенъ, какъ и во все время пути, но въ немъ выражалось сильное нетерпѣніе приступить скорѣе къ дѣлу. Когда Данзасъ спросилъ его, находятъ-ли онъ удобнымъ выбранное имъ и д'Аршіакомъ мѣсто? Пушкинъ отвѣчалъ:

„Ça m'est fort égal, seulement tachez de faire tout cela plus vite.“

Отмѣривъ шаги, Данзасъ и д'Аршіакъ от-мѣтили барьеръ своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этихъ приготовленій нетерпѣніе Пушкина обнаружилось словами къ своему секунданту:

„Et bien! est ce fini?“

Все было кончено. Противниковъ поставили, подали имъ пистолеты и по сигналу, который сдѣлалъ Данзасъ, махнувъ шляпой, они начали сходитьсь.

Пушкинъ первый подошелъ къ барьеру и, остановясь, началъ наводить пистолеть. Но въ это время Дантесъ, не дойдя до барьера одного шага, выстрѣлилъ и Пушкинъ падая *) сказалъ:

„Je crois que j'ai la cuisse fracassée“.

Секунданты бросились къ нему и когда Дантесъ намѣревался сдѣлать тоже, Пушкинъ удержалъ его словами:

„Attendez! je me sens assez de force, pour tirer mon coup.“

*) Раненый Пушкинъ упалъ на шинель Данзаса, окровавленная ея подкладка хранится у него до-сихъ-поръ.

Дантесъ остановился у барьера и ждалъ, прикрывъ грудь правою рукою.

При паденіи Пушкина, пистолеть его попалъ въ снѣгъ и потому Данзасъ подаль ему другой.

Приподнявшись нѣсколько и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ.

Дантесъ упалъ.

На вопросъ Пушкина у Дантеса: куда онъ раненъ, Дантесъ отвѣчалъ:

„Je erois que j'ai la balle dans la poitrine.

„Браво! вскрикнулъ Пушкинъ и бросилъ пистолеть въ сторону.

Но Дантесъ ошибся: онъ стоялъ бокомъ и пуля, только контузивъ ему грудь, попала въ руку.

Пушкинъ былъ раненъ въ правую сторону живота, пуля раздробивъ кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ, глубоко вошла въ животъ и тамъ остановилась.

Данзасъ съ д'Аршіакомъ подозвали извощиковъ и съ помощію ихъ разобрали, находившійся тамъ изъ тонкихъ жердей заборъ, который мѣшалъ санямъ подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами усадивъ его бережно въ сани, Данзасъ при-

казаль извощику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ подлѣ саней, вмѣстѣ съ д'Аршіакомъ; раненый Дантесъ ѣхаль въ своихъ саняхъ за ними *).

У Комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякій случай барономъ Гекереномъ, отцомъ. Дантесъ и д'Аршіакъ предложили Данзасу отвезти въ ней въ городъ раненаго поэта. Данзасъ принялъ это предложеніе, но отказался отъ другаго, сдѣланнаго ему въ это же время Дантесомъ, предложенія, скрыть участіе его въ дуэли.

Не сказавъ, что карета была барона Гекерена, Данзасъ посадилъ въ нее Пушкина и сѣвъ съ нимъ рядомъ, поѣхаль въ городъ. Во время дороги Пушкинъ держался довольно твердо; но чувствуя по временамъ сильную боль, онъ началъ подозрѣвать опасность своей раны.

Пушкинъ вспомнилъ про дуэль общаго знакомаго ихъ офицера Московскаго полка Щербачева, стрѣлявшагося съ Дороховымъ, на которой Щербачевъ былъ смертельно раненъ въ животъ и жалуясь на боль, сказалъ Данзасу:

*) Приложение №№ 8 и 9-й.

„я боюсь не раненъ-ли я такъ, какъ Щербачевъ.“ Онъ напомнилъ также Данзасу и о своей прежней дуэли въ Кишиневѣ съ Зубовымъ. Во время дороги, Пушкинъ въ особенности беспокоился о томъ, чтобы по прїѣздѣ домой, не испугать жены и давалъ наставленія Данзасу какъ поступить, чтобы этого не случилось.

Пушкинъ жилъ на Мойкѣ въ нижнемъ этажѣ дома Волконскаго. У подѣзда Пушкинъ просилъ Данзаса выйти впередъ, послать людей вынести его изъ кареты и, если жена его дома, то предупредить ее и сказать, что рана не опасна.

Въ передней люди сказали Данзасу что Натальи Николаевны не было дома, но когда Данзасъ сказалъ имъ въ чемъ дѣло и послалъ ихъ вынести раненаго Пушкина изъ кареты, они объявили, что госпожа ихъ дома. Данзасъ чрезъ столовую, въ которой накрытъ уже былъ столъ и гостиную пошелъ прямо безъ доклада въ кабинетъ жены Пушкина. Она сидѣла съ своей старшей незамужней сестрой Александрой Николаевной Гончаровой. Внезапное появленіе Данзаса очень удивило Наталью Николаевну, она взглянула на него съ выра-

женіемъ испуга, какъ-бы догадываясь о случившемся.

Данзасъ сказалъ ей, сколько могъ покойнѣе, что мужъ ея стрѣлялся съ Дантесомъ, что хотя раненъ, но очень легко.

Она бросилась въ переднюю, куда въ это время люди вносили Пушкина на рукахъ.

Увидя жену, Пушкинъ началъ ее успокаивать, говоря, что рана его вовсе не опасна и попросилъ уйти, прибавивъ, что какъ только его уложатъ въ постель, онъ сейчасъ-же позоветъ ее.

Она видимо была поражена и удалилась, какъ-то безсознательно.

Между-тѣмъ Данзасъ отправился за докторомъ. Сначала поѣхалъ къ Арендту, потомъ къ Саломону; не заставъ дома ни того, ни другаго, оставилъ имъ записки и отправился къ доктору Персону; но и тотъ былъ въ отсутствіи. Оттуда, по совѣту жены Персона, Данзасъ поѣхалъ въ Воспитательный домъ, гдѣ, по словамъ ея, онъ могъ найти доктора навѣрное. Подъѣзжая къ Воспитательному дому, Данзасъ встрѣтилъ выходившаго изъ воротъ доктора Шольца. Выслушавъ Данзаса, Шольцъ сказалъ ему, что онъ, какъ акушеръ,

въ этомъ случаѣ полезнымъ быть не можетъ; но что сейчасъ же привезетъ къ Пушкину другаго доктора.

Вернувшись назадъ, Данзасъ нашель Пушкина въ его кабинетѣ, уже раздѣтаго и уложеннаго на диванѣ; жена его была съ нимъ. Вслѣдъ за Данзасомъ пріѣхаль и Шольцъ съ докторомъ Задлеромъ *). Когда Задлеръ осмотрѣлъ рану и наложилъ компрессъ, Данзасъ, выходя съ нимъ изъ кабинета, спросилъ его: опасна-ли рана Пушкина. Пока еще ничего нельзя сказать, отвѣчалъ Задлеръ. Въ это время пріѣхаль Арндтъ, онъ также осмотрѣлъ рану. Пушкинъ просилъ его сказать ему откровенно: въ какомъ онъ его находитъ положеніи, и прибавилъ, что какой-бы отвѣтъ ни былъ, онъ его испугать не можетъ, но что ему необходимо знать навѣрное свое положеніе, чтобы успѣть сдѣлать нѣкоторыя нужныя распоряженія.

„Если такъ, отвѣчалъ ему Арндтъ, то я долженъ вамъ сказать, что рана ваша очень опасна, и что къ выздоровленію вашему я почти не имѣю надежды“.

*) Задлеръ передъ пріѣздомъ къ Пушкину только что успѣлъ перевязать рану Дантеса.

Пушкинъ благодарилъ Арендта за откровенность и просилъ только не говорить женѣ.

Прощаясь, Арендтъ объявилъ Пушкину, что по обязанности своей, онъ долженъ доложить обо всемъ случившемся Государю.

Пушкинъ ничего не возразилъ противъ этого, но поручилъ только Арендту просить, отъ его имени, Государя не преслѣдовать его секунданта.

Уѣзжая, Арендтъ сказалъ провожавшему его въ переднюю Данзасу: „штука скверная, онъ умретъ.“

По отъѣздѣ Арендта, Пушкинъ послалъ за священникомъ, исповѣдывался и пріобщался.

Въ это время одинъ за другимъ начали съѣзжаться къ Пушкину друзья его: Жуковский, князь Вяземскій, графъ М. Ю. Вельгурскій, князь П. И. Мещерскій, П. А. Валуевъ, А. И. Тургеневъ, родственница Пушкина, бывшая фрейлина Загряжская; всѣ эти лица до самой смерти Пушкина не оставляли его домъ и отлучались только на самое короткое время.

Спустя часа два послѣ своего перваго визита, Арендтъ снова пріѣхалъ къ Пушкину и привезъ ему отъ Государя собственноруч-

ную записку карандашемъ, слѣдующаго содержанія:

„Любезный другъ Александръ Сергѣевичъ, если не суждено намъ видѣться на этомъ свѣтѣ, прими мой послѣдній совѣтъ: старайся умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся, я беру ихъ на свое попеченіе“ *).

Арендтъ объявилъ Пушкину, что Государь приказалъ ему узнать, есть-ли у него долги, что онъ всѣ ихъ желаетъ заплатить.

Когда Арендтъ уѣхалъ, Пушкинъ позвалъ къ себѣ жену, говорилъ съ нею и просилъ ее не быть постоянно въ его комнатѣ, онъ прибавилъ, что будетъ самъ посылать за нею.

Впродолженіе этого дня у Пушкина перебывало нѣсколько докторовъ, въ томъ числѣ: Саломонъ и Буяльскій. Домашнимъ докторомъ Пушкина былъ докторъ Спасскій; но Пушкинъ мало имѣлъ къ нему довѣрія. По рекомендаціи бывшаго тогда главнаго доктора Конногвардейскаго полка Шеринга, Данзасъ пригласилъ доктора провести у Пушкина всю ночь. Фамиліи этого доктора Данзасъ не помнить.

Передъ вечеромъ Пушкинъ подзвалъ Дан-

*) Записку эту Арендтъ взялъ съ собою обратно.

заса, просилъ его записывать и продиктовалъ ему всѣ свои долги, на которые не было ни векселей, ни заемныхъ писемъ.

Потомъ онъ снялъ съ руки кольцо и отдалъ Данзасу, прося принять его на память. Приэтомъ онъ сказалъ Данзасу, что не хочетъ, чтобъ кто-нибудь мстилъ за него и что желаетъ умереть христіаниномъ.

Вечеромъ ему сдѣлалось хуже. Впродолженіе ночи страданія Пушкина до того усилились, что онъ рѣшился застрѣлиться. Позвавъ человѣка, онъ велѣлъ подать ему одинъ изъ ящичковъ письменнаго стола; человѣкъ исполнилъ его волю, но вспомнивъ, что въ этомъ ящикѣ были пистолеты, предупредилъ Данзаса.

Данзасъ подошелъ къ Пушкину и взялъ у него пистолеты, которые тотъ уже спряталъ подъ одѣяло; отдавая ихъ Данзасу, Пушкинъ признался, что хотѣлъ застрѣлиться, потому что страданія его были невыносимы.

По-утру на другой день 28 Января боли нѣсколько уменьшились, Пушкинъ пожелалъ видѣть: жену, дѣтей и свояченицу свою Александру Николаевну Гончарову, чтобы съ ними проститься.

При этомъ прощаніи Пушкина съ семействомъ Данзасъ не присутствовалъ.

Во все время болѣзни Пушкина передняя его постоянно была наполнена знакомыми и незнакомыми, вопросы: что Пушкинъ? легчели ему? Поправится-ли онъ? Есть-ли надежда? сыпались со всѣхъ сторонъ.

Государь, Наслѣдникъ, Великая Княгиня Елена Павловна постоянно посылали узнавать о здоровьѣ Пушкина; отъ Государя пріѣзжалъ Арендтъ нѣсколько разъ въ день.

У подѣзда была давка.

Въ передней какой-то старичекъ сказалъ съ удивленіемъ: „Господи Боже мой! я помню какъ умиралъ фельдмаршалъ, а этого не было!“

Пушкинъ впускалъ къ себѣ только самыхъ короткихъ своихъ знакомыхъ, хотя всѣми интересовался: безпрестанно спрашивалъ, кто былъ у него въ домѣ и говорилъ: „мнѣ было бы пріятно видѣть ихъ всѣхъ, но у меня нѣтъ силы говорить съ ними. По этой причинѣ, вѣроятно, онъ не простился и съ нѣкоторыми изъ своихъ Лицейскихъ товарищей.

Узнавъ отъ Данзаса о пріѣздѣ Катерины Андреевны Карамзиной, жены знаменитаго нашего историка, Пушкинъ пожелалъ съ нею

проститься и, посылая за ней Данзаса, сказала: „я хочу, чтобъ она меня благословила.“

Данзасъ ввелъ ее въ кабинетъ и оставилъ одну съ Пушкинымъ. Черезъ нѣсколько времени она вышла оттуда въ слезахъ.

Къ полудню Пушкину сдѣлалось легче, онъ нѣсколько развеселился и былъ въ духѣ. Около часу пріѣхалъ докторъ Даль (извѣстный казакъ Луганскій) Пушкинъ просилъ его войти и, встрѣчая его, сказалъ:

„Мнѣ пріятно васъ видѣть не только какъ врача, но и какъ роднаго мнѣ человѣка по общему нашему литературному ремеслу.“

Онъ разговаривалъ съ Далемъ *) и шутилъ. Въ комнатѣ были нѣкоторые изъ друзей Пушкина и нѣсколько докторовъ, между которыми былъ и Арендтъ. Окружающіе, видя веселое расположеніе Пушкина, начали надѣяться или по-крайней-мѣрѣ желали, чтобы болѣзнь приняла болѣе благопріятный оборотъ. Эти на-

*) Даль съ этого времени до самой смерти Пушкина оставался въ его домѣ вмѣстѣ съ другими друзьями Пушкина и отлучался только на нѣсколько минутъ. Пушкинъ не былъ коротко знакомъ съ Далемъ и говорилъ ему «вы»; въ послѣднія минуты началъ говорить «ты». У больнаго Пушкина почти постоянно былъ и графъ Г. А. Строгановъ

дежды казались тѣмъ основательнѣе, что сами доктора перестали отвергать ее; по-крайней-мѣрѣ они говорили друзьямъ Пушкина, что предположенія медиковъ иногда бываютъ ошибочны, что не смотря на ихъ рѣшеніе, Пушкинъ можетъ-быть и поправится. Они нашли полезнымъ поставить ему пиявки. Пушкинъ самъ помогаль ихъ ставить; смотрѣль какъ онѣ принимались и приговариваль: „вотъ это хорошо, это прекрасно.“

Черезъ нѣсколько минутъ потомъ Пушкинъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ: „какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни Пуцина, ни Малиновскаго, мнѣ-бы легче было умирать.“

Весь слѣдующій день Пушкинъ былъ довольно покоенъ; онъ часто призываль къ себѣ жену; но разговаривать много не могъ, ему это было трудно. Онъ говорилъ, что чувствуетъ какъ слабѣть.

Ночью Пушкину стало хуже, имъ овладѣла болѣзненная тоска. По временамъ онъ засыпаль; но не надолго, безпрестанно просыпаясь, все просиль пить, но пиль только по нѣскольку глотковъ. Данзасъ и Даль отъ него не отходили. Обращаясь къ Далю, Пуш-

кинъ жаловался на тоску и слабость, говорилъ: „скоро-ли это кончится?“

По-утру 29 января онъ нѣсколько разъ призывалъ жену. Потомъ пожелалъ видѣть Жуковскаго и говорилъ съ нимъ довольно долго наединѣ. Выйдя отъ него, Жуковскій сказалъ Данзасу: подите пожалуйста къ Пушкину, онъ объ васъ спрашивалъ. Но когда Данзасъ вошелъ, Пушкинъ ничего не сказалъ ему особеннаго, спросилъ только, по обыкновенію, много-ли у него было посѣтителей и кто именно.

Собравшіеся въ это утро доктора нашли Пушкина уже совершенно въ безнадежномъ положеніи, а пріѣхавшій за тѣмъ Арендтъ объявилъ, что Пушкину осталось жить не болѣе двухъ часовъ.

Подъѣздъ съ утра былъ атакованъ публикой до такой степени, что Данзасъ долженъ былъ обратиться въ Преображенскій полкъ, съ просьбою поставить у крыльца часовыхъ, чтобы возстановить какой-нибудь порядокъ: густая масса собравшихся загораживала на большое разстояніе все пространство передъ квартирой Пушкина, къ крыльцу почти не было возможности протискаться.

Между принимавшими участіе были, разумѣется, и такіе, которые толпились только изъ любопытства. Отъ этихъ господъ, говорить Данзасъ было очень трудно отдѣлываться, они сами не знали, что имъ было нужно и засыпали самыми нелѣпыми вопросами. Данзасъ былъ раненъ въ Турецкую компанію и носилъ руку на перевязкѣ. Не раненъ-ли онъ тоже на дуэли Пушкина, спросилъ Данзаса одинъ изъ этихъ любопытныхъ господъ.

Между-тѣмъ Пушкину дѣлалось все хуже и хуже, онъ видимо слабѣлъ съ каждымъ мгновеніемъ. Друзья его: Жуковскій, князь Вяземскій съ женой, князь Петръ Ивановичъ Мещерскій, А. И. Тургеневъ, г-жа Загряжская, Даль и Данзасъ были у него въ кабинетѣ. До послѣдняго вздоха Пушкинъ былъ въ совершенной памяти, предъ самой смертью ему захотѣлось морошки. Данзасъ сейчасъ-же за нею послалъ и когда принесли, Пушкинъ пожелалъ, чтобъ жена покормила его изъ своихъ рукъ, ѣлъ морошку съ большимъ наслажденіемъ и послѣ каждой ложки, подаваемой женою, говорилъ: „ахъ какъ это хорошо.“

Когда этотъ болѣзненный припадокъ аппетита, былъ удовлетворенъ, жена Пушкина вы-

шла изъ кабинета *). Въ отсутствіи ея началась агонія, она была почти мгновенна: потухающимъ взоромъ обвелъ умирающій поэтъ шкапы своей бібліотеки, чуть внятно прошепталъ: „прощайте, прощайте и тихо уснулъ на всегда.

Г-жа Пушкина возвратилась въ кабинетъ въ самую минуту его смерти...

Наталья Николаевна Пушкина была красавица. Увидя умирающаго мужа, она бросилась къ нему и упала предъ нимъ на колѣни; густые темнорусые брови въ безпорядкѣ рассыпались у ней по плечамъ. Съ глубокимъ отчаяніемъ она протянула руки къ Пушкину, толкала его и рыдая вскрикивала: „Пушкинъ, Пушкинъ, ты живъ!?“

Картина была разрывающая душу...

Тѣло Пушкина стояло въ его квартирѣ два дня, входъ для всѣхъ былъ открытъ, и во все это время квартира Пушкина была набита биткомъ. Въ ночь съ 30 на 31 января тѣло Пушкина отвезли въ Придворно-конюшенную церковь, гдѣ на другой день со-

*) Выходя она, обрадованная аппетитомъ мужа, сказала, обращаясь къ окружающимъ: «вотъ вы увидите, что онъ будетъ живъ.»

вершено было отпѣваніе, на которомъ присутствовали всѣ власти, вся знать, однимъ словомъ весь Петербургъ. Въ церковь впускали по билетамъ и не смотря на то въ ней была давка, публика толпилась на лѣстницѣ и даже на улицѣ. Послѣ отпѣванья всѣ бросились къ гробу Пушкина, всѣ хотѣли его нести.

Пушкинъ желалъ быть похороненнымъ около своего имѣнія Псковской губерніи въ Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ была похоронена его мать *).

Послѣ отпѣванья гробъ былъ поставленъ въ погребѣ Придворно-конюшенной церкви. Вечеромъ 1 фѣвраля была панихида и тѣло Пушкина повезли въ Святогорскій монастырь.

Отъ глубокихъ огорченій, отъ потери мужа, жена Пушкина была больна, она просила Государя письмомъ дозволить Данзасу проводить тѣло ея мужа до могилы, такъ какъ по случаю тяжкой болѣзни, она не могла исполнить этого сама. Государь, не желая нарушить законъ, отказалъ ей въ этой просьбѣ, потому

*) Мать Пушкина умерла незадолго предъ его смертью въ 1836 году; а отецъ умеръ послѣ него въ 1849 году.

что Данзаса за участіе въ дуэли должно было предать суду *); проводить тѣло Пушкина предложено было А. И. Тургеневу, который это и исполнилъ.

А. Аммосовъ.

*) Приложение № 10.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ. *)

I.

Письмо Пушкина, адресованное, кажется, на имя графа Бенкендорфа.

(Подлинникъ).

Monsieur le Comte!

Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à Votre Excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin du 4 Novembre, je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnus dès le premier moment, qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allai aux

*) Приложенія всѣ доставлены К. К. Данзасомъ.

recherches. J'appris, que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantés.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accolé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r Dantés. Le Baron de Heckern vient chez moi et accepta un duel pour M-r Dantés, en me demandant un délai de 15 jours.

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé M-r Dantés devint amoureux de ma belle soeur M-elle Gontscharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiak (second de M-r Dantés) que ma provocation fut regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société.

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux, ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves, de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère M-r le Comte, que cette lettre est une preuve du respect et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être.

Monsieur le Comte

Votre très humble et tres obéissant serviteur

A. Pouchkin.

21 Novembre.
1836.

(Переводъ).

Графъ!

Я вправѣ и думаю даже, что обязанъ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства о случившемся въ моемъ семействѣ. 4-го ноября по-утру я получилъ три экземпляра анонимнаго письма, оскорбительнаго для моей чести и чести моей жены. По бумагѣ, по слогу письма и по манерѣ изложенія, я удостовѣрился въ ту же минуту, что оно отъ иностранца, человѣка выс-

шаго общества, дипломата. Я началъ поиски. Оказалось, что въ тотъ же день семь или восемь лицъ также получили по экземпляру того же письма, въ двойныхъ конвертахъ, запечатанныя и адресованныя на мое имя. Почти всѣ, получившіе эти письма, подозрѣвая какую-нибудь подлость, не отослали ихъ ко мнѣ.

Всѣ пришли въ негодованіе отъ такого неосновательнаго и низкаго оскорбленія; но всѣ, повторяя, что поведеніе моей жены было безукоризненно, говорили, что поводомъ къ этой клеветѣ послужило слишкомъ явное ухаживанье за нею г. Дантеса.

Я не могу допустить, чтобы, въ этой исторіи, имя моей жены было связано клеветою съ именемъ кого бы то ни было. Я просилъ сказать объ этомъ г. Дантесу. Баронъ Гекеренъ является ко мнѣ — и принимаетъ вызовъ, за г. Дантеса, прося отсрочки поединка на 15 дней.

Случилось, что, въ продолженіе этого времени, г. Дантесъ влюбился въ мою свояченицу, Гончарову, и просилъ у ней руки. Молва меня предупредила — и я просилъ передать г. д'Аршіаку, секунданту г. Дантеса, что я отказываюсь отъ своего вызова. Между тѣмъ я убѣдился, что анонимное письмо было отъ г. Гекерена, о чемъ считаю обязанностію довести до свѣдѣнія правительства и общества.

Будучи единственнымъ судьей и хранителемъ моей чести и чести моей жены — почему и не требую ни

правосудія, ни мщенія, не могу и не хочу представлять доказательствъ кому бы то ни было въ томъ, что я утверждаю.

Во всякомъ случаѣ, графъ, я надѣюсь, что вы примете это письмо за доказательство того уваженія и довѣрія, которыя имѣю къ вашей особѣ.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія, имѣю честь быть,
графъ,

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

А. Пушкинъ.

21 Ноября
1836.

П.

Письмо Пушкина къ барону Гекерену

(Подлинникъ).

Monsieur le Baron!

Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de M-r votre fils m'était connue depuis longtems et ne pouvait m'être indifferente. Je me contentai du rôle d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un accident, qui dans tout autre moment m'eut été très

désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçû les lettres anonymes.

Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous savez le reste : je fis jouer à M-r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que peut-être avait-elle ressenti pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le mieux mérité. Vous me permettrez de dire, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenables. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard, ou soi-disant tel. Toute sa conduite (assez maladroite d'ailleurs) a été probablement, dirigé par vous; c'est vous, probablement, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter, et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins, pour lui parler de l'amour de votre fils, et lorsque malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle, vous lui marmottiez: „rendez moi mon fils“.

Vous sentez bien, qu'après tout cela je ne pouvais souffrir qu'il y eut des relations entre ma famille et la vôtre. C'était à cette condition, que

j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire, et à ne pas vous deshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre, comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que M-r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose encore lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse la cour et débite des calembourgs de corps de garde, tout en jouant le dévouement et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de vous prier Monsieur le Baron, de faire finir tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

J'ai l'honneur d'être &

A. Pouchkin.

(Переводъ).

Баронъ!

Позвольте мнѣ рассказать вамъ сущность того, что случилось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно — и я не могъ оставаться равнодушнымъ.... До

времени я довольствовался ролью наблюдателя, представляя себѣ право вмѣшаться, когда сочту это нужнымъ. Случай, весьма неприятный во всякое другое время, по счастью, вывелъ меня изъ этого положенія. Я получилъ анонимныя письма. Я увидѣлъ, что минута дѣйствовать наступила — и воспользовался ею. Остальное вы знаете. Я заставилъ играть вашего сына такую жалкую роль, что моя жена, удивленная пошлостью его поведенія, не могла удержаться отъ смѣха, и чувство, которое, быть можетъ, пробудила въ ней эта великая страсть — погасло въ глубокомъ и вполне заслуженномъ презрѣннн. Позвольте мнѣ сказать, баронъ, что роль, которую вы играли въ этомъ дѣлѣ, была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы — вы были отеческимъ сводникомъ вашего побочнаго сына, или быть можетъ только слывущаго за вашего. Все его поведеніе (впрочемъ, довольно неловкое) вѣроятно было направлено вами: вы, вѣроятно, нащипывали ему тѣ жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и тѣ пошлости, которыя онъ писалъ. Какъ какая-нибудь развратная старуха, вы отыскивали по всѣмъ угламъ мою жену, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной въ сифилисѣ, оставался дома, принимая лекарства, вы увѣряли, что онъ умираетъ отъ любви къ ней; вы бормотали ей: „отдайте мнѣ моего сына!“

Вы хорошо понимаете, что послѣ всего этого, я не могъ допустить ни какихъ сношеній между моимъ и вашимъ семействомъ. Только подъ этимъ условіемъ, я согласился не давать ходу этому грязному дѣлу и не обезчестить васъ передъ глазами двухъ дворовъ, что я намѣревался и былъ вправѣ сдѣлать. Я не хочу, чтобы моя жена продолжала слушать ваши отеческія увѣщанія; я не могу позволить вашему сыну, послѣ его отвратительнаго поступка, говорить съ нею, тѣмъ болѣе волочиться за ней и разыграть казарменные каламбуры, разыгрывая роль преданнаго и любящаго страдальца, будучи только негодяемъ и мерзавцемъ. И такъ я прошу васъ, баронъ, прекратить всѣ уловки, если хотите избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлюсь.

Имѣю честь быть и проч.

А. Пушкинъ.

III.

Письмо барона Гекерена къ Пушкину

(Подлинникъ).

Monsieur!

Ne connaissant ni votre écriture, ni votre signature, j'ai recours à M-r le Vicomte d'Archiac, qui

vous remettra la présente pour constater que la lettre à laquelle je réponds, vient de vous. Le contenu est tellement hors de toutes les bornes du possible que je refuse à répondre à tous les détails de cet épître. Vous paraissez avoir oublié, Monsieur, que c'est vous qui vous êtes dédit de la provocation, que vous aviez fait adresser au Baron Georges de Heckern, et qui avait été accepté par lui. La preuve de ce que j'avance ici existe, écrite de votre main, et est restée entre les mains des seconds. Il ne me reste qu'à vous prévenir, qu' M-r le Vicomte d'Archiac se rend chez vous pour convenir avec vous du lieu, où vous vous rencontrerez avec le Baron Georges de Heckern et à vous prévenir que cette rencontre ne souffre aucun délai.

Je saurai plus tard, Monsieur, vous faire apprécier le respect dû au caractère dont je suis revêtu et qu'aucune démarche de votre part ne saurait atteindre. Je suis Monsieur.

Votre très humble serviteur

B. de Heckern.

Lu et approuvé par moi, le Baron Georges de Heckern.

(Переводъ).

Милостивый Государь!

Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился къ виконту д'Аршіаку, который передастъ вамъ это письмо, съ просьбою—удостовѣриться—точно ли письмо, на которое я отвѣчаю, отъ васъ. Его содержаніе до такой степени переходитъ всякія границы возможнаго, что я отказываюсь отвѣчать на подробности этого посланія. Мнѣ кажется, вы забыли, Милостивый Государь, что вы сами отказались отъ вызова, сдѣланнаго барону Георгу Гекерену, принявшему его. Доказательство того, что я говорю, писанное вашей рукой на лицо, и находится въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только сказать, что виконтъ д'Аршіакъ ѣдетъ къ вамъ, чтобы условиться о мѣстѣ встрѣчи съ барономъ Георгомъ Гекереномъ, прибавляя при этомъ, что эта встрѣча должна состояться безъ всякой отсрочки.

Впослѣдствіи, Милостивый Государь, я найду средства научить васъ уваженію къ званію, въ которое я облеченъ и которое никакая выходка съ вашей стороны оскорбить не можетъ.

Вашъ покорнѣйшей слуга.

Баронъ Гекеренъ.

Читано и одобрено мною.

Баронъ Георгъ Гекеренъ.

IV.

Записка отъ д'Аршіака къ Пушкину.

(Подлинникъ).

Billet de M-r d'Archiac à M-r Pouchkin.

Le soussigné informe Monsieur de Pouchkin, qu'il attendra chez lui jusqu'à 11 heures du soir de ce jour et après cette heure au bal de la Comtesse Razoumovsky, la personne, qui sera chargée de traiter l'affaire, qui doit se terminer demain. En attendant il offre à M-r Pouchkin l'assurance de sa considération la plus distinguée.

Vicomte d'Archiac.

Mardi, $\frac{26 \text{ Janvier}}{7 \text{ Fevrier}}$ 1837.

(Переводъ).

Нижеподписавшійся извѣщаетъ г. Пушкина, что онъ будетъ ожидать у себя дома до 11 часовъ сегодняшняго вечера, а послѣ этаго часа — на балѣ графини Разумовской, особу, которой будетъ поручено условиться о дѣлѣ, должнствующемъ непремѣнно окончиться завтра. Въ ожиданіи отвѣта, онъ свидѣтельствуетъ г. Пушкину совершенное свое уваженіе.

Виконтъ д'Аршіакъ.

Вторникъ, $\frac{26 \text{ Января}}{7 \text{ Февраля}}$ 1837.

V.

Вторая записка отъ д'Аршиака къ Пушкину.

(Подлинникъ).

Monsieur!

J'insiste encore ce matin sur la demande que j'ai eu l'honneur de vous faire hier au soir.

Il est indispensable que je m'abouche avec le témoin que vous aurez choisi, et cela dans le plus bref délai.

Jusqu'à midi je resterai dans mon appartement; j'espère avant cette heure recevoir la personne que vous voudrez bien m'envoyer.

Agréez Monsieur, l'assurance de ma considération la plus distinguée.

Vicomte d'Archiac.

St -Pétersbourg. Mercredi, 9 h. du matin.

$\frac{27 \text{ Janvier}}{8 \text{ Fevrier}} 1837.$

(Переводъ).

Милостивый Государь!

Я ожидаю — сегодня же утромъ — отвѣта на мою записку, которую я имѣлъ честь послать къ вамъ вчера вечеромъ.

Мнѣ необходимо переговорить съ секундантомъ, котораго вы выберете — и это въ возможно-скоромъ времени.

До полудня я буду дома; надѣюсь еще до этого времени увидѣться съ тѣмъ, кого вамъ будетъ угодно прислать ко мнѣ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи.

Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ. Среда, 9 ч. утра.

$\frac{27 \text{ Января}}{8 \text{ Февраля}}$ 1837.

VI.

Письмо отъ Пушкина къ д'Аршіаку.

(Подлинникъ).

Monsieur le Vicomte!

Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pour parler entre seconds. Je n'amenerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est Mr Heckern, qui

me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu, je suis tout-à-fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres Russes, cela suffit. Je vous prie de croire, M-r le Vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que j'ene bouge plus que pour aller sur place. Veuillez accepter l'assurance de ma parfaite considération.

A. Pouchkin.

Entre 9¹/₂ et 10 h du matin
27 Janvier.

(Переводъ).

ВИКОНТЬ!

Я вовсе не желаю чтобы праздные петербургскіе языки вмѣшивались въ мои семейныя дѣла; по-этому я не согласенъ ни на какіе переговоры между секундантами. Я приведу моего только на мѣсто поединка. Такъ какъ г. Гекеренъ — обиженный и вызвалъ меня, то онъ можетъ самъ выбрать для меня секунданта, если увидить въ томъ надобность: я заранѣе принимаю всякаго, если даже это будетъ его лакей. Что касается времени

и мѣста — я всегда готовъ къ его услугамъ. По понятіямъ каждаго русскаго, этого совершенно достаточно. Визонтъ, прошу васъ увѣриться, что это мое послѣднее слово, что мнѣ нечего болѣе отвѣчать вамъ, относительно этого дѣла, и что я не тронусь съ мѣста до окончательной встрѣчи. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.

А. Пушкинъ.

Между 9^{1/2} и 10 ч. утра.
27 января.

VII.

Письмо отъ д'Аршіака къ Пушкину.

(Подлинникъ).

Monsieur!

Ayant attaqué l'honneur du Baron Georges de Heckern, vous lui devez réparation. C'est à vous à produire votre témoin. Il ne peut être question de vous en fournir. Prêt de son côté à se rendre sur le terrain le Baron Georges de Heckern, vous presse de vous mettre en règle. Tout retard serait consi-

déré par lui comme un refus de la satisfaction qui lui est due et en ébruitant cette affaire l'empêcher de se terminer.

L'entrevue entre les témoins, *indispensables avant la rencontre*, deviendrait, si vous la refusiez, une des conditions du B^{rn} Georges de Heckern; vous m'avez dit hier et écrit aujourd'hui que vous les acceptiez toutes.

Recevez Monsieur, l'assurance de ma parfaite consideration.

Vicomte d'Archiac.

St. Pétersbourg. $\frac{27 \text{ Janvier}}{8 \text{ Fevrier}}$ 1837.

(Переводъ).

Милостивый Государь!

Оскорбивши честь барона Георга Гекерена, вы должны дать ему удовлетвореніе. Вы должны сами выбрать вашего секунданта. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы мы приняли это на себя. Баронъ Георгъ Гекеренъ, готовый съ своей стороны явиться въ назначенное мѣсто, просить васъ не медлить. Всякая отсрочка будетъ принята имъ, какъ отказъ въ томъ удовле-

ніи, которое вы обязаны ему дать, такъ-какъ она можетъ разгласить дѣло и даже помѣшать его окончанію.

Свиданье между секундантами, *необходимое передъ дуэлью*, дѣлается—если вы откажете въ немъ—однимъ изъ условій барона Георга Гекерена, — а вы мнѣ вчера сказали и сегодня написали, что согласны на всѣ его условія. Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ полномъ уваженіи.

Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ $\frac{27 \text{ Января}}{8 \text{ Февраля}}$ 1837.

VIII.

Письмо д'Аршіака къ князю Вяземскому.

(Подлинникъ).

Mon Prince!

Vous avez désiré de connaître avec exactitude les détails de la triste affaire dont Monsieur Danzas et moi avons été temoins. Je vais vous l'exposer et vous prie de la faire approuver et signer par Monsieur Danzas.

C'est à quatre heures et demi que nous sommes

arrivés au lieu du rendez-vous. Le vent très violent qu'il faisait en ce moment nous força de chercher un abri dans un petit bois de sapins. La grande quantité de neige pouvant gêner les adversaires, il fallut leur creuser un sillon de vingt pas, aux deux bouts duquel ils furent placés. Les barrières marquées par des manteaux; un pistolet remis à chacun de ces messieurs. Le colonel Danzas donna le signal en levant son chapeau. M-r Pouchkin était à la barrière presque aussitôt; le baron Heckern avait fait quatre des cinq pas qui le separaient de la sienne. Les deux adversaires s'apprêtèrent à tirer; après quelques instants un coup partit. Monsieur Pouchkin était blessé; il le dit lui-même, tomba sur le manteau qui faisait la barrière et resta immobile la face contre terre. Les témoins s'approchèrent; il se releva sur son séant et dit: „attendez!“ L'arme, qu'il tenait à la main, se trouvant couverte de neige; il en prit une autre. J'aurais pu établir une réclamation, un signe du baron Georges de Heckern m'en empêcha. Monsieur Pouchkin la main gauche appuyée sur la terre visa d'une main ferme. Le coup partit. Immobile depuis qu'il avait tiré, le baron de Heckern était blessé et tomba de son côté.

La blessure de monsieur Pouchkin était trop grave pour continuer — l'affaire était terminée. Re-

tombé après avoir tiré, il eut immédiatement deux demi-évanouissements, quelques instants de trouble dans les idées, il reprit tout-à-fait sa connaissance et ne la perdit plus. Placé sur un traîneau, fortement secoué pendant un trajet de plus d'une demi verste sur un chemin fort mauvais, il souffrait sans se plaindre.

Le baron de Heckern avait pu, soutenu par moi, regagner son traîneau, où il avait attendu que le transport de son adversaire fut effectué et que je puisse l'accompagner à Pétersbourg. Pendant toute cette affaire, le calme, le sang froid, la dignité de deux parties ont été parfaits.

Agréez mon Prince, l'assurance de ma haute considération.

Vicomte d'Archiac.

Pétersbourg. ¹/₁₃ Février 1837.

(Переводъ).

Князь!

Вы желали знать подробности грустнаго происшествія, котораго г. Данзасъ и я были свидѣтелями. Я сообщаю ихъ вамъ, и прошу васъ передать это пись-

мо г. Данзасу для его прочтенія и удостовѣренія подписью.

Было половина пятого, когда мы прибыли на назначенное мѣсто. Сильный вѣтеръ, дувшій въ это время, заставилъ насъ искать убѣжища въ небольшой еловой рощѣ. Такъ-какъ глубокой снѣгъ могъ мѣшать противникамъ, то надобно было очистить мѣсто на двадцать шаговъ разстоянія, по обоимъ концамъ котораго они были поставлены. Барьеръ означили двумя шинелями; каждый изъ противниковъ взялъ по пистолету. Полковникъ Данзасъ подалъ сигналъ, поднявъ шляпу. Пушкинъ въ ту же минуту былъ уже у барьера; баронъ Гекеренъ сдѣлалъ къ нему четыре или пять шаговъ. Оба противника начали цѣлить; спустя нѣсколько секундъ, раздался выстрѣлъ. Пушкинъ былъ раненъ. Сказавъ объ этомъ, онъ упалъ на шинель, означавшую барьеръ, лицомъ къ землѣ и остался недвижимъ. Секунданты подошли; онъ приподнялся и, сидя, сказалъ: „постойте!“ Пистолетъ, который онъ держалъ въ рукѣ, былъ весь въ снѣгу; онъ спросилъ другой. Я хотѣлъ воспротивиться тому, но баронъ Георгъ Гекеренъ остановилъ меня знакомъ. Пушкинъ, опираясь лѣвой рукой на землю, началъ цѣлить; рука его не дрожала. Раздался выстрѣлъ. Баронъ Гекеренъ, стоявшій неподвижно послѣ своего выстрѣла, упалъ въ свою очередь раненый.

Рана Пушкина была слишкомъ опасна для продолженія дѣла — и оно окончилось. Сдѣлавъ выстрѣль, онъ упалъ и два раза терялъ сознание; послѣ нѣсколькихъ минутъ забытья, онъ наконецъ пришолъ въ себя и уже болѣе не лишался чувствъ. Положенный въ тряскія сани, онъ, на разстояннн полу-версты самой скверной дороги, сильно страдалъ, но не жаловался.

Баронъ Гекеренъ, поддерживаемый мною, дошолъ до своихъ саней, гдѣ дождался, пока не тронулись сани его противника, и я могъ сопутствовать ему до Петербурга. Въ продолженіе всего дѣла обѣ стороны были спокойны, хладнокровны — исполнены достоинства.

Примите, князь, увѣреніе въ моемъ высококомъ уваженіи.

Виконтъ д'Аршіакъ.

С.-Петербургъ. $\frac{1}{13}$ Февраля 1837.

IX

Письмо К. К. Данзаса къ князю П. А. Вяземскому

Милостивый Государь,

Князь Петръ Андреевичъ.

Письмо къ вамъ отъ г. д'Аршіака, о несчастномъ происшествіи, которому я былъ свидѣтелемъ, я чи-

талъ. Г. д'Аршіакъ просить васъ предложить мнѣ засвидѣтельствовать показанія его о семъ предметѣ. Истина требуетъ, чтобы я не пропустилъ безъ замѣчанія нѣкоторыя невѣрности въ его разсказѣ. Г. д'Аршіакъ, объяснивъ, что первый выстрѣлъ былъ со стороны г. Гекерена (Дантеса) и что А. С. Пушкинъ упалъ раненый, продолжаетъ: „les témoins s'approchèrent; il se releva sur son séant et dit: „attendez!“ L'arme, qu'il tenait à la main, se trouvant couverte de neige; il en prit une autre. J'aurais pu établir une réclamation, un signe du baron Georges de Heckern m'en empêcha“. Слова А. С. Пушкина, когда онъ поднялся, опершись лѣвой рукой, были слѣдующія: „Attendez! je me sens assez de force pour tirer mon coup.“ *) Тогда дѣйствительно я подалъ ему пистолетъ, въ обмѣнъ того, который былъ у него въ рукѣ и стволъ котораго набился снѣгомъ, при паденіи раненаго. Но я немогу оставить безъ возраженія замѣчаніе г. д'Аршіака, будто бы онъ имѣлъ право оспаривать обмѣнъ пистолета и былъ удержанъ въ томъ знакомъ Гекерена (Дантеса). Обмѣнъ пистолета не могъ подать повода, во время поединка, ни къ какому спору. По условію каждый изъ противниковъ имѣлъ право выстрѣлить; пистолеты были

*) «Постойте! я чувствую въ себѣ еще столько силы, чтобы выстрѣлить.

съ пистолами, слѣдовательно осычки быть не могло; снѣгъ, набившійся въ дуло пистолета Александра Сергѣевича, усилилъ бы только ударъ выстрѣла, а не отвратилъ бы его. Никакого знака ни со стороны г. д'Аршіака, ни со стороны г. Гекерена (Дантеса) дано не было. Что до меня касается, то я почитаю оскорбленіемъ для памяти Пушкина предположеніе, будто онъ стрѣлялъ въ противника съ преимуществами, на которыя не имѣлъ права. Еще разъ повторяю, что никакого сомнѣнія противъ правильности обмѣна пистолета сказано не было. Если бы оно могло возродиться, то г. д'Аршіакъ обязанъ былъ объявить возраженіе и не останавливаться знакомъ, будто-бы отъ г. Гекерена (Дантеса) поданнымъ. Къ тому же сей послѣдній не иначе могъ бы узнать намѣреніе г. д'Аршіака, какъ тогда, когда бы оно было выражено словами; но онъ ихъ не произносилъ. Я отдаю полную справедливость бодрости духа, показанной во время поединка г. Гекереномъ (Дантесомъ); но рѣшительно отвергаю, чтобы онъ произвольно подвергся опасности, которую могъ бы отъ себя отстранить. Не отъ него зависѣло уклониться отъ удара своего противника, послѣ того, какъ онъ свой нанесъ. Ради истины разсказа прибавлю также замѣчаніе на это выраженіе: „Гекеренъ (Дантесъ) неподвижный до тѣхъ поръ—упалъ.“ Противники шли другъ на друга грудью. Когда Пушкинъ упалъ, тогда г. Гекеренъ (Дантесъ) сдѣлалъ движеніе,

чтобы подойти къ нему; послѣ же словъ Пушкина, что онъ хотѣлъ стрѣлять, онъ возвратился на свое мѣсто, сталъ бокомъ и прикрылъ грудь свою правою рукою. По всѣмъ другимъ обстоятельствамъ я свидѣтельствую справедливость показаній г. д'Аршіака.

Съ совершеннымъ и проч.

К. Данзасъ.

Февраля 6-го дня 1837 года.

X.

Письмо графа Бенкендорфа къ графу Строгонову.

(Подлинникъ).

Monsieur le Comte!

Je me suis empressé de faire à sa Majesté la demande de Madame Pouchkin pour que Danzas puisse accompagner le corps à sa dernière demeure. L'Empereur vient de me repondre, qu'il avait fait tout ce qu'il dépendait de lui, en permettant que M-r Danzas, qui est sans jugement resté jusqu'à la cérémonie d'aujourd'hui auprès du corps de son ami; qu'un plus long délai serait contraire aux loix, et par conséquent impossible à accorder, mais il a ajouté que M-r Tourgeneff ancien ami du défunt, n'ayant pas

d'occupation pour le moment pourrait rendre ce dernier service à M-r Pouchkin, et qu'il le chargeait du transport du corps.

En me hâtant de vous transmettre cette décision suprême, je suis.

Benkendorff.

(Переводъ).

ГРАФЪ!

Я немедленно доложилъ Его Величеству просьбу г-жи Пушкиной, дозволить Данзасу проводить тѣло въ его послѣднее жилище. Государь отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, дозволивъ подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемоніи при тѣлѣ его друга; что дальнѣйшее снисхожденіе было бы нарушеніемъ закона — и слѣдовательно невозможно; но онъ прибавилъ, что Тургеневъ, давнишній другъ покойнаго, ни чѣмъ не занятый въ настоящее время, можетъ отдать этотъ послѣдній долгъ Пушкину, и что онъ уже поручилъ ему проводить тѣло.

Спѣша передать вамъ это Высочайшее рѣшеніе, имѣю честь быть и пр.

Бенкендорфъ.

XI.

Рѣшеніе Генераль-Аудиторіата и Высочайшая конфирмація.

Генераль - аудиторіатъ, по разсмотрѣннн военно-суднаго дѣла, произведеннаго надъ поручикомъ Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества полка, барономъ Егоромъ де Гекереномъ, нашолъ его виновнымъ въ противузаконномъ вызовѣ камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества Александра Пушкина на дуэль и въ нанесеніи ему на оной смертельной раны, къ чему было поводомъ то, что Пушкинъ, раздраженный поступками Гекерена, клонившимися къ нарушенію семейнаго его спокойствія, и дерзкимъ обращеніемъ съ женою его, написалъ отцу его, Гекерена, министру Нидерландскаго двора барону Гекерену, письмо съ оскорбительными для чести ихъ обоихъ выраженіями. А потому генераль-аудиторіатъ, соображаясь съ воинскимъ 139 артикуломъ и Свода Законовъ, тома XV, статьею 352, полагалъ: его, Гекерена, за вызовъ на дуэль и убійство на оной камеръ-юнкера Пушкина, лишивъ чиновъ и приобрѣтеннаго російскаго дворянскаго достоинства, записать въ рядовые, съ опредѣленіемъ на службу, по назначенію инспекторскаго департамента. Съ симъ заключеніемъ поднесенъ былъ Государю Императору отъ генераль - аудиторіата всеподданнѣйшій добладъ, на во-

торомъ, въ 18-й день мѣнушаго марта, послѣдовала собственноручная Его Величества высочайшая конфирмація: „*Быть по сему; но рядоваго Гекерена, какъ не русскаго подданнаго, выслать за границу, отобрать офицерскіе патенты*“.

(„Сѣверная Пчела“, 1837, № 81, стр. 321.)

à donner à Karon — Permettez-moi de faire les mêmes
de ce qui veut se passer. La conduite de M^r votre fils m'était
connue depuis longtemps & ne pouvoit m'être indifférente. Je me
contenterai d'observer, sans à intervenir lorsque je le
jugerai à propos un incident qui dans tout ce moment
m'ent été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'aff
faire. Je reçus les lettres anonymes. Je vis que le moment d'agir
était venu & j'en profitai. Vous savez le reste. Je fis jouer
à M^r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme étouffée
de tant de platitudes ne pu s'empêcher de rire et que l'émo
tion que peut-être eurent-elle éprouvée pour cette sublime
passion s'éteignit dans le mépris le plus calme & le
mieux mérité. — Vous me permettrez de dire, Mr Karon,
que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des
plus convenables. Vous le représentant d'une tête couronnée
vous avez été paternellement le magasin de votre bâton
ou soi disant tel toute sa conduite (assez maladroite,
& ailleurs) a été probablement, dirigé par vous; c'est
vous probablement, qui les dicités les pauvretés, ça il
venait débiter, et les sciences qu'il s'est mêlé d'écrire.
Semblable à une obscure vieille nous alliez quitter
ma femme dans tous les coins pour lui parler de l'amour

de votre fils & lorsque malade & résolu, et étoit retenu chez
lui par les remèdes, nous disiez qu'il se mouvait d'a-
mour pour elle; vous lui marmottiez: rendez moi mon fils
Nous sçutez bien qu'après tout cela et ne pouvois j'en
pouvais soupçonner qu'il y eut des relations entre ma fa-
mille et la votre. c'étoit à cette condition que j'a-
vais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire
et à ne pas vous deshonorer eux gens de notre cour &
de la votre comme j'en avois le pouvoir & l'intention.
Je ne sçavois pas que ma femme écouté encore vos ex-
hortations paternelles Je ne puis permettre que M^r votre
fils, après l'obscure conduite qu'il a tenue, ose encore
lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse
la cour et débite des calambourgs de waps de garde,
tout en jouant le devouement & la passion mal-
heureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre & qu'un
chenapan. Je suis donc obligé de vous prier M^r de
le D^e, de faire finir tout ce manège, si vous tenez à
éviter un nouveau scandale devant lequel rester je
ne veux ni plus

J'ai l'honneur d'être &c